

6. Gruchy A.Q. Contemporary Economic Thought // The Contribution of Neoinstitutional Economies. — Clifton, — 1992. — P. VI.
7. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. — М. : Прогресс, 1982. — 455 с.
8. Богдан, Н.И. Инвестиции в знания: мировые тенденции и проблемы Беларуси / Н.И. Богдан // Белорусский экономический журнал. — 2007. — № 3. — С. 75–86.
9. Маевский, В.И. Эволюционная макроэкономика и неравновесные процессы / В.И. Маевский // Эволюционная экономика и мейнстрим: докл. и выступл. участн. междунар. симпозиума, г. Пушино, 29 мая — 1 июня 1998 г. / Редкол.: Л.Н. Абалкин [и др.]. — М. : Наука, 2000. — С. 15–30.
10. Сидорский, С.С. Государственная программа и механизмы инновационного развития Республики Беларусь / С.С. Сидорский // Проблемы управления. — 2007. — № 1. — С. 5–14.
11. Сорвилов Б.В. Инновационное развитие государства и процессы глобализации в мировой экономике / Б.В. Сорвилов // Вестник экономической интеграции. — 2009. — № 2. — С. 7–15.

А.И. Лысюк, д. п. н., к. ф. н., доцент

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

г. Брест, Республика Беларусь

ailysiuk@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Инновационное развитие любой социальной системы требует и соответствующего качества института лидерства. В настоящее время революционные преобразования в массовых коммуникациях, процессы глобализации, новые научные открытия в области нанотехнологий, медицины, биологии, организации и управления, психологии существенным образом изменяют стиль и содержание жизни многих людей, что, в свою очередь, порождает общественный спрос, в соответствии с новыми вызовами, на трансформацию системы политического лидерства. Мы уже наблюдаем процесс формирования нового типа политического, в особенности, государственного руководителя, который связан с необходимостью переосмысления существовавших до сих пор аксиом в области государственного устройства, организации власти, публичной жизни и международного сотрудничества.

Очевидно, что современное общество в его постиндустриальной стадии при всех его безусловных достижениях в области информатизации, накопления и использования знаний испытывает существенные ценностные дисбалансы и диссонансы. Для него характерны уклончивость и разорванность смыслов, алогичность мышления, виртуализация социального пространства, «рыночность» культурных образцов, эклектика жизненных позиций, неспособность различать добро и зло и др.

Наблюдается также уменьшение масштабности политических персон, возглавляющих крупные политические структуры (организации, государства), что вызвано и виртуализацией политического пространства, и широким распространением массовой культуры, и консюмеризацией социальной жизни, в рамках которой лидер выступает скорее торговцем, а не демиургом общественных процессов, и гедонизацией жизни людей, что вынуждает лидера с необходимостью развлекать публику (толпу) и удовлетворять ее многочисленные прихоти.

Более того, как свидетельствуют многочисленные социологические опросы, во многих странах нарастает неприязнь людей к политике и политическим лидерам, компетенции, нравственность и профессионализм которых все чаще подвергаются сомнению.

Бесспорно, что любой социальный прогресс в любой общественной сфере базируется, в конечном счете, на качестве человеческого потенциала, в особенности, лидерского. С каждым годом возрастает общественный запрос на лидерство, в котором ключевую роль играет моральный и креативный компоненты. Учитывая этот факт, можно утверждать, что в современных политических обстоятельствах перед лицом современных рисков и угроз наиболее продуктивно и конструктивно использовать концепции политического лидерства, именующиеся (1) «провидческий реализм» и (2) трансформационное лидерство. Кстати, не только на уровне государственных организаций, но и, с небольшой модификацией, в бизнес-структурах.

Современная политическая наука указывает на объективную и жизненную необходимость подобных типов лидерства, в рамках которых политические лидеры обязательно должны проходить испытание на «моральную отвагу», способность формулировать и отстаивать высокие социальные цели и ценности.

Концепции «провидческого реализма» и трансформационного лидерства включают в себя следующие компоненты: а) моральную мотивацию лидера и последователей; б) актуальную эффективность, базирующуюся на ответственности и отрицающую конъюнктурность; в) ответственность политика за позитивное будущее, которое следует определять не только в познавательных терминах, но и в моральных категориях; г) ориентацию лидера на нравственное воспитание общества, поскольку образ лидера является эталоном для массового сознания, а сами лидеры обладают существенными ресурсами трансформации общественного сознания в направлении высоких целей. Как следствие этого, меняется существо связей между лидером и последователями: они взаимно поддерживают и облагораживают друг друга. Трансформационный и «провидческий» лидер позволяет последователям подняться на высший моральный и мотивационный уровень посредством определения далеко идущих целей, а также стимулирования изменений большой исторической значимости, в отличие от транзакционного, ориентированного на обслуживание конкретных, как правило, утилитарных интересов.

Политическая наука исторически пыталась совместить в одном лице морального героя и политического лидера (см. политические персоны Ромула, Перикла, Кромвеля и др.). Известно, что переход к каждой новой эпохе вызывал к жизни политического лидера, который обычно интегрировал в себе креативное, героическое и нравственное. Более того, некоторые

политические лидеры предпринимали попытки проведения моральной политики автократическими методами (Кромвель, Людвиг Баварский, Александр I и др.).

Что же касается поиска прототипа лидера — «провидческого реалиста», то он завершился тем, что его существенные черты исследователями были обнаружены в образе Моисея, лидера Исхода, чье моральное величие проистекало из того, что он был «смирненным из смиренных» и оставался частью той социальной общности, которую он вел и за которую отвечал перед Небом. Ему был чужд деспотизм, и он ориентировался на диалог с народом. Ему было присуще человеческое сострадание к нуждам тех, которых он вел к великим провидческим целям. При этом он не действовал, поддаваясь эмоциональным порывам, а опирался на разум, который являлся для него основанием ответственности. Он же имел четкие и определенные духовные основания: его вера в Бога была безусловна и непоколебима [1, с. 538–539].

Могут ли в настоящее время могут произрастать лидеры подобного типа, если мы живем в эпоху не политических демиургов и творцов, а политических имиджей, основанных на рекламистике, избирательных технологиях и виртуализации политического пространства?

Необходимо исходить из того, что «политическая мораль не может упасть с небес, она не вписана в природу человека» (Э. Дюркгейм). Следовательно, необходимо создать такие условия политической игры, которые сделают моральные действия выгодными для субъектов политического процесса. В частности, следует, по мнению П. Бурдые, «способствовать воцарению политических полей, способных поощрять самим своим функционированием агентов, обладающих наиболее универсальными логическими и этическими диспозициями» [2, с. 328]. Перед обществом стоит, таким образом, задача подвергать политиков моральному контролю, заставляя придерживаться правил «честной игры». В условиях «революции субъектов» и «восстания масс», политический лидер должен уметь вызвать доверие и убедить общественность в необходимости и важности своей миссии.

Современная западная цивилизация выработала целую систему институциональных средств, побуждающих политиков к совершению нравственных поступков, не снижая эффективности их действий. Многие из них мы можем использовать в современной белорусской социальной практике.

Во-первых, это фактор активности гражданского общества, осуществляющего моральную цензуру политики, а также развитость демократических институтов, по своей природе нацеленных на усиление контроля граждан государства за действиями политиков. Нельзя не согласиться в этой связи с позицией А. Разина, утверждавшего, «что соединение морали и политики на позитивной основе возможно только в демократически устроенном обществе. Только там, где массы имеют реальную возможность выражать свою нравственную волю, политика может быть моральной» [3, с. 57].

Во-вторых, симметричность процесса лидерства означает, что, с одной стороны, лидер презентует такое видение и процесс социальных изменений, с которыми последователям легко себя ассоциировать. Тем более что демократические лидеры традиционно являются одновременно эманацией своего электората.

С другой стороны, последователи принимают на себя определенные обязательства, в том числе моральные. К числу их важнейших из них польский политолог П. Жукевич относил следующие:

- 1) постоянное наблюдение за деятельностью политического лидера, которому в ходе избирательной кампании была оказана поддержка;
- 2) активная и действенная поддержка между выборами: участие нацеленных на это встречах, акциях, демонстрация и т. п.
- 3) периодическое требование от политического лидера отчета о своей деятельности;
- 4) работа над увеличением числа людей, которые поддерживают политического лидера;
- 5) постоянное сравнение позиций и действий «своего» лидера с активностью других лидеров [4, с. 139].

В-третьих, очевидно, что правовое государство естественным образом ведет к морализации политики. И потому, что предполагает высокую степень социальной активности лидеров и последователей. И по той причине, что создает множество ограничений личному честолюбию, алчности и эгоизму политического лидера.

В-четвертых, существенную роль играет корпоративная (профессиональная) культура и моральные кодексы, регулирующие вопросы политического отбора и образцы карьерного роста внутри и вне политических организаций. Как отмечал, применительно к РФ, А. Оболонский, дух «общественного служения» должен лечь в основу кодексов политической и административной этики. А в более общем политическом плане именно «этика есть сердце демократии, а жизнеспособность и легитимность политической системы современного государства во многом зависят от уровня морали политического класса» [5, с. 52].

В-пятых, решающую роль в моральности лидера играет степень его религиозности или, как минимум, ориентация на религиозную традицию. Без религиозной основы нравственные постулаты теряют свою устойчивость и определенность, становясь зависимыми (и уязвимыми) от субъективных представлений и интересов, политической конъюнктуры.

В-шестых, обязательное следование веберовской «этике ответственности», согласно которой лидер, принимая решения, обязательно должен соотносить их не только с высокими принципами, но и ожидаемыми (и полученными) социальными эффектами. В современных обстоятельствах особое значение для государственного лидера имеет чувство ответственности за будущие поколения, связанное с реализацией идеи устойчивого развития, выработанного созданной под эгидой ООН Международной комиссией по окружающей среде и развитию и представленного в «Докладе Брундтланд», под которым понимается развитие, «отвечающее потребностям сегодняшнего поколения, не ставящее под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности и выбирать свой стиль жизни» [цит. по 6, с. 10]. Подобная ориентация в полной мере соответствует базовым принципам и Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. (НСУР-2030), в которой отмечается,

что «системообразующим блоком функционирования белорусской модели устойчивого развития является социально ориентированное, экономически эффективное и экологозащитное развитие страны с учетом удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений» [7, с. 13].

При этом для лидера важно следовать исторически исходящему от Сенеки императиву космополитизма, включающего в себя политическую ориентацию как на благо своего государства, так и, поскольку в человеке изначально заложены любовь и привязанность к близким и далеким людям, проживающих в других странах, то и государственная политическая линия должна включать в себя и их интересы.

Очевидно, правда, что адекватную аксиологическую оценку действиям лидера можно дать только с течением времени.

В-седьмых, политику необходимо всегда и во всем сохранять сознание нравственной нормы (совести), осознанной разумом и осуждающей злые дела, что позволяет политику сохранить живую связь с действительностью и удержаться от нарциссизма, беспринципного и утилитарного прагматизма (меркантилизма).

В-восьмых, лидер должен воспринимать последователей как неповторимых личностей, в некоторой степени, как «священных существ», и, при определении для них целей и задач, необходимо формулировать такие, которые бы соответствовали их потенциалу и способностям.

В-девятых, желательно, чтобы лидеры являлись для последователей образцом для подражания, в том числе, моральным и человеческим и не ассоциировались с личностными и политическими патологиями.

И, бесспорно, говоря о политических лидерах, следует различать добродетели частные и публично-политические, поскольку процесс принятия решений лидером — это зона постоянных мотивационных рисков, связанных, с одной стороны, с необходимостью соответствовать определенному имиджу и массовым ожиданиям, а с другой — с проблемой трудного поиска в политической практике баланса и гармонии целей и средств.

Очевидно, таким образом, что в рамках «провидческого» и трансформационного лидерства доминирует та модель лидерства, в рамках которой легитимизация и политический авторитет лидера выстраиваются на его профессионализме, компетентности, моральности и креативности, принципиальная важность которых для избирателей подтверждается на демократических выборах.

Литература и источники:

1. Штукина, Т.А. Феномен политического лидерства / Т.А. Штукина // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. — 1994. — № 4. — С. 23–35.
2. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
3. Разин, А.В. Единство морали и политики: исторический опыт и современные реалии А.В. Разин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2006. — № 2. — С. 46–68.
4. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Żukiewicz. — Warszawa: Difin, 2011. — 440 с.
5. Оболонский, М.А. Этика публичной сферы / М.А. Оболонский // Общественные науки и современность. — 2008. — № 2. — С. 52–67.
6. Долгосрочное устойчивое развитие Республики Беларусь: стратегия и пути реализации / Червяков А.В. [и др.]. — Минск: «Мисанта», 2016. — 280 с.
7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики РБ. — 2015. — № 4. — С. 6–99.

Стрелец М.В., д. и. н., профессор

УО «Брестский государственный технический университет».

г. Брест, Республика Беларусь

mstrelez@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЕДИНОЙ ВАЛЮТЫ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ НЕСТЫКОВОК

Политическая элита, экспертное сообщество в государствах-членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) активно обсуждают вопрос о необходимости введения единой валюты в рамках ЕАЭС. Конечно, необходим взвешенный подход. Надо спокойно разобраться, зачем это нужно, готовы ли к этому государства-члены. Чрезвычайно важно не скатиться на путь авантюризма, не ставить телегу впереди лошади.

Зачем это нужно?

Это нужно для избежания психологического дискомфорта, реальных денежных потерь теми нашими соотечественниками, у которых возникает естественная потребность в наличии российских рублей, казахстанских тенге, киргизских сомов, армянских драмов. Будут полностью исключены головоломки на предмет покупки валюты, обмена валюты белорусами на Едином экономическом пространстве (ЕЭП).

Бизнес-элита, вовлечённая в торгово-экономические отношения на ЕЭП, перестанет решать уравнения со многими неизвестными, связанные с просчитыванием возможных рисков, возникающих при колебании курсов национальных валют. Она будет иметь дело с удовлетворяющими её в плане стабильности финансовыми рынками. Данные рынки окажутся для бизнес-элиты настолько гибкими, насколько этого требует её собственная деловая активность. Только при единой валюте по настоящему свободным станет движение капиталов, товаров, услуг, рабочей силы, резко повысится ликвидность рынка капитала, он станет гораздо более ёмким, существенно уменьшится доля оборотного капитала в бизнес-проектах, чувствительно усилится финансовая подпитка народнохозяйственного комплекса (НХК) со стороны разнообразных инвесторов.

Из введения единой валюты органически вытекает качественно новая ценовая ситуация. Начинается движение по пути выравнивания цен.